

КЛИМОВ Г. А.

О ПОЗИЦИОННЫХ ПАДЕЖАХ ЭРГАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

Признание системного постулата в содержательно ориентированных типологических исследованиях привело, как известно, к взаимному обособлению по крайней мере трех комплексов признаков-координат, характеризующих номинативный, эргативный и активный строй. В итоге многочисленных исследований стало довольно очевидным, что и морфологические системы представителей этих систем, постулированных в соответствии с различными способами передачи субъектно-объектных отношений действительности, не совпадают друг с другом. Сказанное относится, в частности, и к такому рано попавшему в сферу наблюдений типологов фрагменту морфологической структуры разнотипных языков, каковым является падежная парадигма.

Специальная литература последнего десятилетия свидетельствует вместе с тем, что существуют факторы, тормозящие успешную разработку представлений типологов о дифференциальных признаках отдельных языковых типов. С одной стороны, это все еще не всегда четкое различение абстрактного понятия типа, строящегося из совокупности разноуровневых логически необходимых структурных признаков, и некоторого класса конкретных языков, обычно лишь в определенном приближении реализующих этот тип (и, следовательно, способных в той или иной степени совмещать признаки и иного типа). Этим обуславливаются все еще нередко встречающиеся в литературе утверждения о сущности типологической системы, основанные не на анализе внутренней логики ее организации, а на материале отдельных языков, сплошь и рядом не отвечающих эталону системы (так, например, исходя из случаев функционирования категории залога в языке, характеризующемся так называемой парциальной эргативностью, иногда высказывается мнение о совместимости категории залога с эргативной системой). С другой стороны, аналогичным фактором является вольный или невольный отход некоторых авторов от критерия способа передачи субъектно-объектных отношений действительности, положенного в основу контенсивно-типологических исследований с самого их возникновения. Его естественным следствием оказывается сдвиг самой исследовательской процедуры с позиций содержательно-ориентированной типологии в план формальной типологии или даже других разновидностей структурного изучения языков (лингвистики универсалий, характерологии, контрастивной лингвистики и т. п.), либо вообще в плоскость конструирования систем, построенных на произвольно избранных признаках. Яркими примерами последнего случая могут служить отдельные попытки постуляции систем, строящихся уже не на реально наблюдаемых различиях языков в способах передачи субъектно-объектных отношений, а на механическом инвертировании структурных зависимостей, характерных для эргативного или какого-либо иного строя (не приходится удивляться поэтому тому обстоятельству, что, например, так называемая антиэргативная система не образует сколько-нибудь целостного типа, характеризуя в лучшем случае лишь разрозненные фрагменты структуры конкретных языков). Наконец, еще один фактор подобного порядка, по-видимому, составляет постоянно сопровождающий развитие теории контенсивной типологии груз ассоциаций с грамматической традицией изучения языков номинативного строя и отсюда — воздействие на нее со стороны соответствующего терминологического аппарата. Как об этом свидетельствует современное состояние науки (ср., в частности, предпринимающиеся опыты

исторического выведения эргативной конструкции предложения из пассивных построений), было бы наивной иллюзией полагать, что она уже полностью освобождена от действия этого фактора.

Уже довольно длительная к настоящему времени традиция изучения эргативной системы позволила постулировать в качестве ее позиционных падежей эргативный и абсолютный, субъектно-объектная специфика которых не разрешает отождествить их с номинативом и аккузативом поминативной системы (одной из наиболее ранних эмпирических предпосылок этого явилось еще наблюдение Г. Шухардта, согласно которому в автохтонных языках Кавказа нет именительного и винительного падежей, как они даны в индоевропейских языках [см. 1, с. 38—39]). Этот вывод, формулировка которого связана с общей теорией эргативности, разрабатывавшейся в советском языкознании прошлого и прежде всего в трудах И. И. Мещанинова, ныне широко признан в мировой науке и, можно сказать, решительно господствует в таких дисциплинах, как американистика, эскалеутское языкознание, чукотско-камчатское языкознание, океанистика, папуасское языкознание, австраловедение, древневосточное языкознание (в некотором смысле исключения представляют собой кавказоведение и баскология, где при преобладающем понимании функциональных особенностей обоих позиционных падежей эргативной системы вместо термина «абсолютный падеж» широко употребляется «именительный падеж»). Разделяется он в настоящее время и такими ведущими представителями разработки общей теории эргативности на Западе, как Ст. Андерссон, Б. Комри и Р. Диксон [см. 2, с. 18; 3, с. 337—342; 4, с. 60—65].

Причина подобной популярности этого положения заключается, на взгляд автора, в его строгой адекватности самой объективной реальности эргативной системы, передающей субъектно-объектные отношения действительности в отличие от номинативной системы синкретическим образом.

Абсолютный падеж обычно определяется при этом в рабочем порядке как падеж подлежащего при интранзитивном глаголе и прямого дополнения при транзитивном (ср. функции адыгейского падежа с признаком *-р* в *шыблэ-р мэгуагъо* «гром гремит» и *хьакIэ-м хьэ-р ыльэгъуагъ* «гость собаку увидел»). Если учесть, что другой фундаментальный падеж эргативной системы, также функционально отличный от номинатива, квалифицируется постоянно как эргатив, то должно быть очевидным, что использование вместо первого во многих преимущественно описательных работах по эргативным языкам термина «номинатив» представляет собой терминологическую непоследовательность, иногда способствующую, как показывает исследовательская практика, смещению типологически различных надежных величин. Как справедливо заметил Г. В. Церетели, этот падеж, имея в виду его прямообъектную, а не субъектную функцию, можно было бы с равными основаниями квалифицировать и как аккузатив [ср. 5, с. 19]. Поэтому терминологически более последовательной была практика Н. Ф. Яковлева, прямо называвшего его в некоторых своих работах именительно-винительным [6, с. 39—40], что конечно, опять-таки затуманивало его функциональное отличие от именительно-винительного падежа, известного из многих описаний номинативных языков, характеризующихся морфологически несамостоятельным аккузативом. Нельзя забывать, однако, что контингентная типология, собственно и построенная на различиях языковых систем в способах выражения субъектно-объектных функций, не может пренебречь отличиями абсолютного и именительного падежей в этом фундаментальном для нее отношении.

Некоторые исследователи эргативных языков, осознавая функциональные отличия, существующие между корреляцией номинатива и аккузатива, с одной стороны, и эргатива и абсолютива, с другой, придерживаются тем не менее в обозначении последнего термина «номинатив», ввиду того, что в основу такой квалификации они кладут назывную функцию некоторой беспризнаковой (словарной) формы субстантива, существующей во всех языках мира. Нетрудно увидеть, однако, что в этом слу-

чае они незаметным для себя образом покидают самую почву континентально-типологического исследования, с рамками которого необходимо связаны понятия эргативного и абсолютного падежей, и становятся на почву некоторой иной дисциплины — лингвистики универсалий. О том, что подобный подход уже не имеет какого-либо отношения к типологической схематике, основанной на субъектно-объектном критерии, достаточно красноречиво свидетельствует, например, то обстоятельство, что в ряде эргативных языков форма абсолютного падежа имени отличается от его беспризнаковой формы с назывной функцией. При этом можно сослаться, в частности, на положение в ближе знакомых автору адыгских языках, где наряду с фиксируемой в словарях назывной формой типа *шыбл(э)* «гром» существует и специальная форма абсолютного падежа *шыблэ-р* (ср. также особую форму абсолютного падежа с признаком *-q* в языке гренландских эскимосов: *арпа-q* «женщина»).

Иная конфигурация субъектно-объектного синкретизма характеризует эргативный падеж, оказывающийся, согласно известным дефинициям, падежом подлежащего при транзитивном глаголе, а также косвенного дополнения (ср. функцию адыгейского падежа с признаком *-м* в построениях: *хъахIэ-м хъэ-р ыльэгъуагъ* «гость собаку увидел», *ар дыды-м рэдэ* «он шилом пьет», *а-м ынхсэ-м ритыгъ* «он своей невестке отдал то»). Следует подчеркнуть, что характерный для него субъектно-объектный синкретизм, хорошо знакомый исследователям эргативных языков, все же, по-видимому, недостаточно учитывается в современных теоретических концепциях эргативности, поскольку он затрагивает самое существо эргативного строя. Именно этот синкретизм, некогда внушавший Г. Штейнталю впечатление о полной неграмматичности подобных падежных образований [7, с. 186], судя по всему, и делает эргатив закономерным коррелятом абсолютива в рамках типологически единой падежной парадигмы. Поэтому можно присоединиться к Г. В. Топуриа, отмечающему в специальной работе, что термин «совмещающий эргатив» является чисто условным, поскольку субъектная и инструментная функции в эргативе органично слиты [8, с. 30]. Субъектно-объектный синкретизм эргатива, как известно, особенно рельефно выступает в двухпадежных эргативных языках, в которых соответствующие функции по необходимости распределены между эргативным и абсолютным падежами. Именно такая его семантика, включающая наряду с субъектным отношением инструментное, адресатное и — уже за пределами этого круга — локативное, достаточно отчетливо отражается в таких двухпадежных языках, как убыхский, бурушаски, алеутский, некоторые папуасские и др. Если учесть, что и в беспадежных представителях эргативного строя, например, в абхазском языке и некоторых американских, те же субъектно-объектные функции аналогичным образом распределены между глагольными личными показателями эргативной и абсолютной серий, то становится очевидным, что и глгольная морфология подтверждает характерность такой дистрибуции для эргативной системы. Констатация означенного синкретизма обоих позиционных падежей позволяет увидеть их специфические инвариантные значения как морфологических координат эргативности, основанной, как показывают и ее другие грамматические проявления, на противопоставлении не субъектного и объектного начал, характерном для номинативной системы, а некоторых принципиально иных, квалифицируемых в терминологии А. Е. Кибрика как агентивное и фактивитивное [9, с. 34]. Показательно, что аналогичная функциональная нагрузка обоих рассматриваемых падежей прослеживается даже в языках, ныне существенно отклоняющихся от эталона эргативности, в которых за эргативом наряду с субъектным отношением оказывается в той или иной степени закрепленным либо инструментное, либо адресатное, либо посессивное отношение (ср., например, статус лезгинского эргатива, несущего в отдельных случаях наряду с субъектной функцией и инструментную).

В целом ряде эргативных в своей основе языков, примером которых может служить часть нахско-дагестанских, эргативный падеж, хотя он и остается «совмещающим» косвенно-объектное отношение, обнаруживает

тенденцию к преобразованию в так называемый самостоятельный эргатив, т. е. в исключительно субъективный по своей функции падеж. Как это было установлено еще в трудах И. И. Мещанинова, относящихся к 30—40-м годам, такая тенденция составляет одно из проявлений номинативизации языковой структуры и отражает собой существенный шаг в трансформации эргатива в номинатив [10, с. 169—170; 11, с. 199—205]. Типологически промежуточный статус самостоятельного или «несовмещающего» эргатива может служить одной из многочисленных иллюстраций известной диалектической закономерности соотношения формы и содержания развивающегося явления: он остается эргативом в той мере, в которой он формально еще отличен от падежа подлежащего при интранзитивном глаголе, но является номинативом в той мере, в какой он уже обладает только субъективной функцией. Как известно, многочисленные последующие наблюдения в рамках отраслевых ответвлений языкознания подтвердили справедливость этого вывода указаниями на большую архаичность совмещения эргативом субъектной и косвенно-объектной функций в истории множества эргативных языков. Примеры этому нетрудно найти как в кавказском языкознании [ср. 4, с. 49—50; 12, с. 99—100; 13, с. 51; 14, с. 51], так и далеко за его пределами [ср. 15, с. 146; 16, с. 96]. Было бы естественным ожидать, что параллельно с этим процессом происходит и историческое преобразование абсолютного падежа в аккузатив за счет сокращения его субъектной функции, динамика которого еще не служила предметом рассмотрения в историко-типологическом плане (в последнем отношении определенный интерес представляет, в частности, диахронический анализ морфологически несамостоятельного аккузатива в некоторых ныне номинативных языках).

Поскольку семантика эргативного и абсолютного падежей отражает вместе с соответствующими характеристиками других элементов эргативной системы самый ее содержательный стимул, становится возможным увидеть, что широко распространенное в исследовательской практике рабочее определение последней как типологической системы, в которой единая трактовка подлежащего при интранзитивном глаголе и прямого дополнения при транзитивном противостоит отличной трактовке подлежащего при транзитивном глаголе, оказывается неполным, и, строго говоря, не вполне адекватным, поскольку отдельно взятый последний признак (вне его сопоставления с признаком аналогичной трактовки косвенного дополнения) характерен лишь для языков, уже вставших на путь структурной номинативизации (на раннем этапе своих занятий проблематикой эргативности прибегал к такому определению и автор настоящей статьи). Нетрудно заметить, что с тезисом о субъектно-объектном синкретизме эргативного и абсолютного падежей оказывается связанной совокупность наблюдений типологов, касающихся и других признаков-координат эргативности (в частности, затрагивающих самый принцип организации глагольной лексики), останавливаться на чем здесь было бы уже неуместным.

Частично рассмотренная в настоящей статье проблема морфологических координат эргативности представляется особенно актуальной в свете так называемого повторного открытия морфологии, все выводы из которого предстоит сделать и в сфере содержательно ориентированных типологических исследований. Вместе с тем, эта проблема диктует необходимость постановки вопроса более общего порядка о том, каким образом описательные грамматики эргативных в своей основе языков должны отражать их типологические особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шухардт Г. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках. — В кн.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950.
2. Andersson St. On the notion of subject in ergative languages. — In: Subject and topic. Ed. by Li Charles N. London, 1976.
3. Comrie B. Ergativity. — In: Syntactic typology. Studies in phenomenology of language. Ed. by Lehmann W. P. Sussex, 1978.

4. *Dixon R. M. W.* Ergativity.— *Language*, 1979, v. 55, № 1.
5. *Церетели Г. В.* Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939.
6. *Яковлев Н. Ф.* Синтаксис чеченского литературного языка. М.— Л., 1940.
7. *Steinthal H.* Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin, 1860.
8. *Топурия Г. В.* Эргатив самостоятельный и эргатив совмещающий, их функции в иберийско-кавказских языках.— В кн.: Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977, с. 30.
9. *Кибрик А. Е.* Структурное описание арчинского языка методами полевой лингвистики: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1976.
10. *Мещанинов И. И.* Новое учение о языке. Стадиальная типология. Л., 1936.
11. *Мещанинов И. И.* Общее языкознание. Л., 1940.
12. *Гаджиев М. М.* Синтаксис лезгинского языка. Ч. 1. Простое предложение. Махачкала, 1954.
13. *Гаприндашвили Ш. Г.* Система склонения имен существительных в диалектах даргинского языка.— *Иберийско-кавказское языкознание*, 1956, VIII.
14. *Мейланова У. А.* Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960.
15. *Sommer B. A.* Agent and instrument in central Cape York peninsula.— In: *Languages of Cape York*. Ed. by Sutton P. Canberra, 1976.
16. *Itkonen T.* Subject and object marking in Finnish: an inverted ergative system and «ideal» ergative subsystem.— In: *Ergativity: towards a theory of grammatical relations*. Ed. by Plank F. London, 1979.